

ВИКТОРИЯ
ВИШНЕВСКАЯ

«ЛУЧШИЙ»
ПАПА

Виктория Вишневская

"Лучший" папа

«Автор»

2026

Виктория Вишневская

"Лучший" папа / Виктория Вишневская — «Автор», 2026

– Пять лет назад мы с тобой провели ночь. И я забеременела, – заявляет появившаяся из ниоткуда девица с ребёнком. – Не от меня же? – От тебя, разумеется. Я его девять месяцев носила, четыре года воспитывала, теперь твоя очередь поучаствовать в его жизни. Поэтому, папашка, принимай. Она хватает пацана за руку, заводит в мою квартиру, и тот послушно встаёт рядом, берёт меня за пальцы, будто мы уже самые лучшие друзья. Замираю, снова опуская взгляд на мальчишку рядом с собой. И пока я щёлкаю клювом Его мать куда-то исчезает. Точнее, галопом несётся по лестнице вниз, даже не дав мне вставить ни слова или хотя бы переспросить. Она ведь сейчас вернётся? – Пап, а мы есть буюм? – вдруг до меня доносится тонкий голосок Сына?

© Виктория Вишневская, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ренат	5
Глава 2. Ренат	8
Глава 3. Ренат	11
Глава 4. Кира	13
Глава 6. Ренат	18
Глава 7. Кира	21
Глава 8. Кира	26
Глава 9. Ренат	29
Глава 10. Ренат	34
Глава 11. Кира	36
Глава 12. Ренат	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Виктория Вишневская

"Лучший" папа

Глава 1. Ренат

— Какие дети? — недовольно выпаливаю, прижимая телефон между плечом и ухом. — Не хочу я детей.

Достаю из холодильника бутылку воды, захлопываю дверцу и морщусь.

Памперсы, бессонные ночи, крики... Я к этому не готов.

— Это тебя большой город разбаловал, — ворчит мама в трубку.

Закатываю глаза. Люди из деревни всегда так говорят.

— Женщина, я владелец бизнеса и...

Каким бы серьёзным я ни был, для родителей я всё равно остаюсь маленьким мальчиком. В свои тридцать пять лет, да.

— Ну всё-всё, знаю. Ты у нас с отцом молодец, но и мы уже не молодые. Хотим внуков понять. И с девушкой своей нас познакомь.

А с кем я обещал её познакомить? С Милой? Настей?

Да неважно — серьёзных отношений у меня нет. Только провести ночь, не больше. Не встречал ещё женщину по своему вкусу. Либо инфантильные малолетки, либо пустоголовые курицы, которым нужны только мои деньги.

— Я холостяк. Живу, как хочу. Извини, матушка, не пример для общества.

Звонок в дверь звучит как спасение от дальнейших нотаций.

— Ладно, у меня доставка приехала. Звони, только про детей не начинай, — бросаю, направляясь в коридор. И только по пути понимаю, что ляпнул. Для мамы заказывать еду — грех. Только домашняя кухня, желательно с огурцами с грядки.

— А вот была бы у тебя жена, ты бы...

Не дослушав, отключаюсь. Бросаю телефон на диван и, подойдя к двери, открываю её.

Я голоден, как волк. А после разговора с матерью готов всё крушить. Каждую неделю одно и то же.

О как.

А с каких это пор у нас в доставке работают девушки, да ещё с детьми?

Лицо у неё какое-то знакомое. Будто где-то встречались.

Потом вспомню, сейчас меня волнует кое-что поважнее:

— Где еда?

— Так, я быстро и по делу, — начинает девушка, сразу беря инициативу. Судя по всему, мне привезли не обед, а... А что? — Привет, Ренат.

— Мы знакомы? — удивлённо поднимаю бровь.

Она округляет глаза, опускает взгляд на сына и всё так же поражённо шепчет:

— Закрой уши.

Малец послушно прикладывает ладони к голове.

И её недовольный взгляд снова устремляется на меня.

— Ты с ума сошёл? Совсем уже не помнишь, с кем спал?

— Да я и не пытался запоминать, — хмыкаю, поднимая руку и упираясь локтем в косяк. Есть хочу — сил нет. Сейчас упаду от голода. Всё-таки надо было ехать в ресторан. Но на улице такая жара, что лучше не выходить из дома. — Так ты...

— Очередная, судя по всему, — недовольно скрещивает руки на груди, но тут же мотает головой. — Ладно, это всё неважно.

Ничего не понимаю. Ко мне пришла девушка, с которой я переспал лет... семь назад? Три? Уже не помню. И что ей от меня нужно? Повторить? С такой просьбой с детьми не приходят.

Вдруг она протягивает мне спортивную сумку. Хмурюсь, понимая, что там явно не еда. Но почему-то беру её автоматически.

— Так и быть, напомним. Пять лет назад мы с тобой переспали.

Пять, значит. Я был близок к истине.

Только к чему всё это?

— Я забеременела.

Так и хочется сказать «сочувствую», но с языка срывается совсем другое:

— Не от меня же?

— От твоего соседа. Вот и решила прийти спустя столько лет похвастаться. От тебя, разумеется, — раздражённо упирает руки в бока.

Если бы я сейчас не был так ошарашен, уже бы начал злиться. И давно бы захлопнул дверь перед этой сумасшедшей.

Но взгляд падает на пацана, который уже убрал ладони с ушей и внимательно смотрит то на меня, то на мать, прислушиваясь к разговору.

— Шокирующе, знаю, — тараторит она и, как ни в чём не бывало, начинает копаться в своей сумке, что-то ища. — Но я решила ничего тебе не говорить. Знала, что тебе это не нужно. В общем, решила не делать аборт, а жить дальше своей жизнью.

Благородно, но... Это что, розыгрыш? Кто-то решил отомстить за то, что я дал согласие на публикацию какой-нибудь скандальной статьи? Подо мной все крупные информационные каналы — что хочу, то и утверждаю.

— И мне сейчас нужно уехать, оставить его не с кем. Так что, папаша, принимай.

Она берёт пацана за руку, заводит в мою квартиру, и тот послушно становится рядом, берёт меня за пальцы, будто мы уже лучшие друзья.

— Я его девять месяцев носила, четыре года воспитывала, теперь твоя очередь поучаствовать в его жизни.

Замираю, снова опуская взгляд на мальчишку рядом с собой.

В голове тараканы танцуют румбу.

И пока я щёлкаю клювом... Его мать куда-то исчезает. Точнее, галопом несётся по лестнице вниз, даже не дав мне вставить ни слова или хотя бы переспросить.

Она ведь сейчас вернётся?

Никогда раньше я не испытывал такого страха, как сейчас. Какие бы проблемы у меня ни возникали, я всегда решал их с холодной головой, без тени сомнения или страха. А тут...

— Пап, а мы есть буюм? — вдруг до меня доносится тонкий голосок... Сына?

В одну секунду ко мне подбежала сумасшедшая, с которой я однажды переспал, вручила мне своего голодного ребёнка и убежала. Как на это реагировать?

— Есть? — переспрашиваю я.

— Ага, я кушать хотю.

— Подожди, стой, — качаю головой, отбрасываю сумку в сторону, будто в ней бомба. Присаживаюсь на корточки, вглядываюсь в лицо мальчика, имени которого не знаю, и пытаюсь разглядеть в нём знакомые черты.

Волосы тёмные, прямые. И я не кудрявый.

Глаза большие и карие. У меня тоже.

А у той девушки какие были? Не помню, не присматривался.

На что ещё обращают внимание? Губы как губы. Маленький человек с пухлыми щеками.

Родинки... есть пара штук, в разных местах.

Вроде бы что-то от меня есть. Если бы ему добавить щетину — может, и был бы похож.

– Какое у тебя отчество? – спрашиваю самую глупую вещь на свете. Нужно было начать с чего-то другого.

– Ленатович, – уверенно и важно заявляет он.

– Ренатович?

Он коротко кивает.

Я сжимаю его плечи, перевожу взгляд на пустой коридор, где только что стояла женщина.

До сих пор не могу поверить её словам.

Но что же теперь... Я остался один на один с этим мальчиком? И... отец?

Глава 2. Ренат

– Так мы есть буюм? – поторапливает меня малец, дёргая за руку.

Да-да, точно, его надо покормить.

Словно по щелчку, на лестничной площадке появляется курьер с жёлтой сумкой за спиной.

– Доставка, – зачем-то поясняет он, передавая мне обед из ресторана. Забрав заказ, я закрываю дверь и пропускаю ребёнка в квартиру первым.

Как его вообще зовут?

– Ренатович, – окликаю пацана, пока он разувается и аккуратно отставляет обувь в сторону. Всё делает правильно, ровно. Поправляет свой рюкзачок и ждёт. – Имя у тебя есть?

– Есть, – кивает. – Тимул.

Говорит приятно, и вроде бы на школьника не похож.

Может, с ним не так уж и тяжело будет?

– Тимур, значит. Проходи.

Подталкиваю его к гостиной. Похоже, мальчик воспитанный: ждёт разрешения, и, услышав моё одобрение, идёт дальше.

– Налево. Кухня там.

Что я вообще творю? Я серьёзно собираюсь кормить чужого ребёнка у себя на кухне после того, как одна сумасшедшая притащила его ко мне домой? Откуда она вообще узнала, где я живу? Я ведь её тогда к себе в квартиру приглашал? Вот дурак.

Надо звонить в полицию. Предупредить знакомых, чтобы перекрыли аэропорты, поезда, всё! Чтобы эта ненормальная никуда не уехала. Благо связи и влияние есть.

– А тебя как совут? – вдруг спрашивает меня Тимур.

– Ренат же.

– О, – удивлённо округляет глаза, мол, «Вот совпадение, а я Ренатович!».

– Да-да, совпало.

Он всё ещё идёт, восхищённо оглядываясь, заходя в просторную кухню. Тимур осматривает всё, открыв рот, будто впервые видит мраморные узоры.

– Я сятую?

– Садись, конечно, – нахмурившись, слежу за тем, как он забирается на стул. Ставлю перед ним пакет, достаю контейнеры с едой. Надеюсь, он это ест. Здесь чисто мужская еда: стейк, запечённый картофель, овощи. – Так, ты пока поешь, я пойду кое-кому позвоню, а потом вернусь, и мы поговорим, лады?

– Хоёшо, – выпаливает он, будто ничего необычного не происходит, и сам открывает контейнер. Начинает есть так торопливо, словно его несколько дней не кормили. Но на неблагодарного он не похож. Одежда чистая, сам он аккуратный.

Мама его тоже не выглядит малоимущей.

Что ж тут происходит, а?

Оставшись один в гостиной, первым делом звоню знакомому менту. Он не отвечает. Жду так долго, что мои нервы натягиваются до предела и превращаются в тонкие ниточки.

На работе меня так никто не нервировал, как сегодня.

Наконец-то гудки обрываются.

— Гриша, — чуть ли не рычу. — Где пропадаешь?

— Работаю, вообще-то. Чё надо?

— У меня проблема.

Проблемище!

— Опять звёзды преследуют? Я же говорил, пора заводить охрану. И переезжать на Рублёвку, в охраняемое место. Всё-таки профессия у тебя... щекотливая и грязноватая.

— Нет, — перебиваю его мелочи жизни. — Ко мне десять минут назад пришла левая девушка... или женщина, не знаю. Лет тридцать ей. Оставила у меня своего ребёнка и ушла.

— Это как? — недоумённо спрашивает он.

— Ну что ты тупишь? — моментально вспыхиваю. — Сказала, что он мой, и уехала!

— Ого, поздравляю, папаша. Сколько ему лет?

— Не знаю, около четырёх.

— Так это же отлично, бессонные ночи уже позади. Не надо ему жопу мыть. Или надо? Я не разбираюсь. Короче, радуйся. Первые пару лет самые сложные, ты их уже отгулял.

— Ты совсем не видишь проблемы? Какая-то женщина, с которой я разок переспал, оставила мне своего ребёнка! Что мне делать? Везти его в отделение?

— А ты уверен, что он не твой?

— Да на сто процентов!

Вспоминаю черты его лица и начинаю сомневаться.

— Хотя, возможно, и наоборот, — добавляю.

— Вот сначала разберись — твой он или нет. Если чужой, я попрошу кого-нибудь этим заняться. А если твой — может, она просто оставила его у бати на пару часов.

Ну, может быть. Вдруг ей нужно было по магазинам пройтись, а с ребёнком неудобно?

— Ладно, я на панике, мозги остужу и поговорю с мальцом. Действительно, может, она вернётся через пару часов, и мы всё обсудим.

— Держи меня в курсе. Но имя скажи, я по базе пробую — вдруг она аферистка какая.

Помнил бы я его ещё...

— Узнаю — сообщу.

Отключаюсь и возвращаюсь на кухню. Вижу, как Тимур уплетает салат вилкой. Сажусь напротив, беру конфету с конфетницы и начинаю вертеть её в пальцах.

Пора становиться серьёзным. Вся эта ситуация мне абсолютно не нравится. Может, это конкуренты или недоброжелатели, которые решили меня подставить. Придут сюда с полицией и скажут, что владелец журналов и многих информационных каналов похитил ребенка. Суды, пресса, минус репутация.

— И надолго твоя мама тебя оставила? Она что-нибудь сказала?

Он кивает, болтая ногами и пережевывая еду, не отрываясь от трапезы.

Блин. Как интересно он держит вилку — кулачком. Миленько. Вдруг показывает два пальца.

— На два часа? Ладно, сойдет, справлюсь.

— А куда?

— Уехала, — пожимает крохотными плечиками. Если приглядеться, он очень маленький для своей четкой речи. Родился недоношенным? Или малоежка? В голове взрослый, а по телу — нет. — К дяде Мише.

— А дядя Миша?

Он неожиданно морщит носик.

— Хотел папой моим стать.

— Значит, отчим.

— Отъ!

Значит, она бросила ребенка на меня, а сама свинтила к мужику. Но почему именно на меня? Мы пять лет не виделись. И тут резко мой образ всплыл в её пустой голове? Или я действительно его отец?

Так, без паники. Это решаемо. Всё это — очень даже решаемо.

– А как зовут твою мать? – вспоминаю, какую информацию мне нужно предоставить Грише.

– Алина.

– А фамилия?

– Лисины мы.

Алина Лисина.

Я печатаю Грише сообщение с именем. Он спрашивает год рождения и отчество, но Тим этого точно не знает. Приплыли. Вряд ли он что-то найдет, но так мне будет спокойнее. Что полиция в курсе, и в случае чего у меня есть алиби.

– Так, ты доел? – спрашиваю, видя полупустой контейнер. Аппетит отменный. Если мой окажется таким же, значит, он точно в меня пошел.

– Та, было фкусно, – откладывает пластиковую вилку в сторону и вытирает рот салфеткой. Ты посмотри, какой интеллигент.

– Не хочешь прокатиться на бибике?

«Бибике»... Я когда в последний раз так общался? Никогда.

– Ты меня тосе блосить хочешь?

Хмурюсь от его слов. Почему-то это задевает. Его можно понять: мать действительно оставила его, бросив мне.

Но он какой-то слишком умный и взрослый. Сколько ему – до сих пор не пойму. Года три? Нет, в таком возрасте так не говорят. Четыре, скорее всего. Да, точно, Алина что-то говорила об этом.

– Нет, мы быстро съездим к врачу.

Малыш тут же пугается, взмахивает ладошками и вдруг прячет их под стол. Испуганно произносит:

– Мне же писю не отлежут?

– Чего?..

– Мама как-то скасала мне, что доктол мне писю полезал, когда я маленький был, и...

– Стоп-стоп, – останавливаю его движением руки. Теперь понятно, чего он руки под стол убрал. Младшенького своего защищает. – Расслабься.

Его плечики действительно опускаются вниз в облегчении.

– Доктор просто возьмет ватку, соберет слюнки и всё. Согласен?

Он неожиданно улыбается и с энтузиазмом отвечает:

– Та!

Хоть с этим проблем нет. Сейчас быстро съездим в клинику, сделаем тест ДНК, и посмотрим, правда ли то, что говорила та сумасшедшая аферистка, или нет.

Глава 3. Ренат

Ренат

– Ну что, не больно было? – держу Тима за руку. Точнее, он меня. Вцепился клешнями и не отпускает. Я-то не против, мне даже проще – он не убежит. Просто... непривычно за кем-то следить. За его настроением, желаниями. Хочет ли есть, пить или в туалет.

Сейчас пришлось говорить с ним, как с маленьким, когда у него брали слюну. Хотя он и есть маленький.

Плюс – это дополнительная ответственность за другого человека.

– Неа, – улыбается этот паренёк. Счастливый он какой-то. Когда впервые его увидел, тихий такой был, забитый будто. Мать сказала идти ко мне – он и пошёл. Послушный. А сейчас словно расцвёл.

– Тогда поехали домой, – тяну его к машине. Жизнерадостная моська тут же тускнеет.

– Не отю домой, – опускает взгляд в землю и сильнее сжимает мои пальцы. – Поси гулять!

– Гулять?..

Этого я боялся больше всего. На улице бдительность терять нельзя. Моргнёшь – и нет ребёнка. Он уже где-то в песочнице ест песок.

– Не получится, – вспоминаю одну деталь. – Твоя мама может вернуться за тобой. Скоро истекут два часа.

А как эта мама вспомнила, где я живу – вопрос. Я стараюсь не водить никого к себе домой. Но бывают огрехи. Видимо, в тот раз я и оступился.

И теперь в безвыходной ситуации.

Тим, насупившись, отворачивается.

И так скверно становится, что от самого себя противно. Он же ребёнок. Конечно, он гулять хочет больше, чем сидеть и залипать в комнате.

– Ладно, – соглашаюсь с ним. – Поехали в парк.

Как раз в одном из них, неподалёку отсюда, сегодня происходит открытие аттракционов, будет мэр и море журналистов. Посмотрю заодно, как работают мои работяги.

– Палк! – восхищённо шепчет он, чем озадачивает меня ещё больше. У всех детей такая реакция на «парк»?

Чёрт знает.

Через полчаса гуляем по тропинке среди деревьев и природы. Здесь красиво, «вау»-эффекта нет, но не для Тима. Он весь светится, готов сорваться с места и прыгнуть в траву.

– Нравится? – спрашиваю его, а сам поглядываю на часы. Лисина там ещё не вернулась? Консьержка должна сообщить, если ко мне кто-то придёт. Но от неё ни строчки.

Время погулять ещё есть.

– Отень, – кивает мальчишка, оглядываясь по сторонам. Замечаю автомат со сладкой ватой.

– Хочешь вату?

– Отю, – скромно кивает. Подходим к аппарату, заказываю ему синюю сладкую вату. Пусть потом с синим языком ходит. Детям такое вроде нравится?

Забрав заказ, продолжаем гулять.

Малец наслаждается видами и природой, а я выглядываю какие-нибудь события и знакомые лица, которые трудятся у меня в штате. Нахожу одну мордашку — нашла себе жертву из простых прохожих.

Не туда ты залезла, не туда.

Ладно, потом с ней поговорю.

— Пап, — доносится откуда-то до меня. — Пап!

Ребёнок где-то папу зовёт? Или мне показалось?

— Пап! — и Тим дёргает меня за руку. Смотрю на него, и меня осеняет: это же он меня звал.

Как непривычно.

— Чего?

— Пить хотю.

Вот же дети!

— Сейчас исправим.

Подхожу к первому попавшемуся ларьку. Пока ждём небольшую очередь, расспрашиваю Тима о его вкусах. Он восторженно крутится на месте и любовно, но со скромностью, выдаёт:

— Молоко-о-о-о.

— Такой большой, а всё молоко тягаешь, — улыбаюсь, потрепав его по макушке. — Молочная душа. Коктейль подойдёт?

— Оно фкусное, — одобрительно мычит и кивает.

Тоже, что ли, что-то взять? Жарко ужасно. В такую жару из дома выходить не хотел, но пришлось.

Благо, нам осталось ждать недолго — впереди нас стоит болтушка, говорит с кем-то по телефону. Тим что-то выглядывает вдаль, а я гипнотизирую время. Открытие уже должно идти — не успеем. Да и всё равно, я сюда не работать приехал.

— Пап, — опять зовёт меня Тимур. На этот раз откликаюсь, пока не забыл.

— Чего?

— А зачем дядя тётю по попе хлопал? — вдруг спрашивает он меня. Выпучив глаза, перевожу удивлённый взгляд в сторону, куда всё это время смотрел малец. Там заигрывают два суриката, не стесняясь детей и распуская руки. Вот же... Идиоты.

Не успеваю ответить, как Тим продолжает:

— Вот так.

И, замахнувшись ладошкой, бьёт впереди стоящую девушку в джинсовых шортах по попе.

Э... Я отреагировать не успеваю, а вот Тим быстро прячет ладошки за спину.

— Что за?.. — доносится от шатенки. Она убирает телефон от уха, оборачивается. Недоумённый и в то же время злой взгляд тут же летит на меня. Не успеваю рот открыть, как она перебивает: — Ах ты... извращенец.

И через секунду мне прилетает хлёсткая пощёчина.

Глава 4. Кира

– Да-да, я сейчас скоро буду на месте, – тараторю в телефон и скачу по парку, как сайгак. Я сейчас подохну от жары! Я и так одета легко – джинсовые шорты и укороченная футболка, а всё равно хочется умереть и провалиться в ближайшую тень и не вылезать из неё до вечера.

– Поторопись, иначе профукаешь свою статью и не устроишься в компанию к этому Лазареву, – доносится в ухо голос подруги.

– Да знаю я, знаю, – раздражённо отвечаю, вытирая со лба пот.

Опаздываю, блин! Сегодня в парке открывают новый аттракцион, и по совместительству отмечают пятилетие самого парка – устроили целое шоу с музыкой, воздушными шарами и толпой аниматоров.

Мне кровь из носа нужно всё сфотографировать и написать статью. Желательно жёлтую, чтобы было поострее и поинтереснее для читателей.

– Всё, не отвлекай, – отрезаю я, отключаюсь и ускоряю шаг, лавируя между детьми с сахарной ватой и мамами с колясками. Поглядываю на экран телефона и, заметив, что до встречи ещё есть время, замедляюсь. Да никто не опаздывает, чего пугают!

Сейчас куплю попить и спокойно дойду, а то реально помру от жажды.

Подхожу к яркому ларьку с напитками, разглядывая автоматы с газировкой и мороженым. Телефон в руке снова вибрирует.

Ну кто там ещё?

– Да, Алл? – вздыхаю, отвечая и вставая в очередь.

Это моя двоюродная сестра, которая всегда звонит в самый неподходящий момент.

– А ты знала, что... – начинает она тараторить, не давая мне вставить ни слова.

Стараюсь слушать, киваю, поддакиваю и даю свои непрофессиональные советы.

– Да зачем тебе нужен этот... – не успеваю договорить, как вдруг чувствую мощный шлёпок по заднице.

Что за?!

Резко убираю телефон от уха и оборачиваюсь. Передо мной стоит высокий мужчина, одетый в светлую футболку и шорты, с нахмуренными бровями и удивлёнными глазами.

Ах ты... Домогаются посреди парка!

Не раздумывая, отвешиваю ему звонкую пощёчину.

– Извращенец! – выкрикиваю, привлекая взгляды прохожих.

Да я такой наглости тысячу лет не видела! И то, что он такой красавчик с короткой щетиной и выразительными глазами, не даёт ему никакого права лапать девушек на улице. Если он сейчас скажет, что я сама виновата из-за коротких шорт – я ему и по другой щеке заеду.

– Ты чё творишь? – чуть ли не рычит мужчина, его баритон пробирает меня с головы до пят. – Это не я был.

– А кто тогда? – быстро прихожу в себя и бросаю ему вызов, оглядываясь по сторонам. – Твой друг-невидимка?

– Он, – сквозь зубы цедит незнакомец, указывая вниз.

Ребёнок? Вот эта кроха с большими карими глазами, в футболке с динозавром, прячущий руки за спиной?

– Мало того, что вы всё на ребёнка спихнули... – зло шепчу, наклоняясь ближе. – Вы ещё и при нём помогаете до других!

Беру аккуратно мальчика за руку.

– Мальчик, ты не испугался? – мягко обращаюсь к малышу, который виновато смотрит в пол и переминается с ноги на ногу.

Он быстро мотает головой и тут же отпрыгивает от меня, прячась за спиной мужчины и крепко вцепляясь в его штаны.

– Пап, – зовёт он дрожащим голосом.

– Так папа... – шепчу я, поражённо глядя на мужчину. – Ты ещё и сына своего этому учишь?

Вот народ пошёл!

Я резко хватаю телефон, быстро захожу в камеру и щёлкаю этого извращенца, стараясь, чтобы в кадр попало его лицо.

– Жди себя в сети, папаша, – зло выпаливаю ему, с трудом сдерживаясь. – Под заголовком: «Отец-извращенец учит своего сына, как подкатывать к девушкам». Фу!

Трясу перед ним бейджем журналиста, висящим у меня на шее на красном шнурке. Пусть знает, на кого нарвался.

– Нет, ты адекватная? – доносится до меня его возмущённый голос, но я уже не слушаю.

Я хватаю свою бутылку воды, прикладываю карту к терминалу, и, не оборачиваясь, быстро ухожу прочь, чувствуя, как щеки пылают от злости и стыда. У меня времени в обрез!

Скачу по всему парку, петляя между людьми и киосками, недовольная и раздражённая из-за того, что сделал тот мужик. Главное – на сына своего всё скинул! Но мальчишка такой милашка – я бы ему всё простила.

Так, Кира, сосредоточься на работе!

Подбегаю к главному аттракциону, запыхавшаяся, и замечаю, как люди уже расходятся, кто-то лениво тянет за собой воздушный шарик, кто-то доедает сахарную вату.

Не поняла?..

– Малинина! – раздаётся за спиной резкий голос. Я вся покрываюсь мурашками, будто меня окатили ледяной водой. – Где ты ходишь? Ты всё пропустила!

– Да я... – начинаю оправдываться, запинаясь.

Это всё из-за того мужика! Не задержал бы он меня – я бы успела!

– Ещё один такой раз, и...

– И что? – выгибаю бровь и скрещиваю руки на груди. – Уволите?

А ничего, что я батрачу, как проклятая, гоняя по всему городу, делая фотографии, и пишу статьи?

И он сам должен это понимать! И судя по морщинке по его лбу, прекрасно всё осознаёт.

– Вычту ползарплаты.

– За опоздание?

– За несвоевременную подачу статей!

– Да пошёл ты, – выплёвываю, снимая своё бейдж. Вручаю ему. – Достал уже, вечно недовольный павлин.

Без него разберусь. А вот справится ли его мелкое агентство с акулами бизнеса – я ещё посмотрю.

Зато теперь я свободна. И могу смело попробовать себя в холдинге Лазарева.

О нём в нашей сфере только и говорят: собрал у себя самых проворных и говорливых. Ты только на место приезжаешь – а от него уже статья выходит. Гад.

И я хочу к этому гаду.

Поэтому с гордо поднятой головой сейчас ухожу от павлина. Мне всё ещё нужно найти немного материала для статьи, а на днях поеду на собеседование.

Листаю на ходу телефон, заглядываю в галерею. И улыбаюсь при виде фотографии красавчика-извращенца.

Одна статья у меня уже есть.

Глава 5. Ренат

– Что за подстава? – шепчу, схватившись за щёку. Щека горит, будто кто-то приложил к ней горячий утюг.

Слышу тихие всхлипы возле своей ноги. Опускаю взгляд – Тимка сидит на корточках, уткнувшись лбом в мои ноги, плечи мелко дрожат.

– Постииии, – хнычет он, прикрывая голову руками, будто прячется от удара. – Я посе так не будуууууу.

Резко присаживаюсь рядом, чувствуя, как внутри всё сжимается. Истерика уже на подходе, это видно по его сжимающимся кулачкам и дрожащим губам.

Но больше всего пугает, как он закрывается, будто я и правда собираюсь его ударить.

– Ты чего? – осторожно беру его за запястья, мягко опускаю его руки вниз. – Ну, бывает. Просто в следующий раз так девушек по попе не шлёпай, ладно? А то у меня лицо раздует, как у хомяка.

Он шмыгает носом, вытирает кулачком слёзы и кивает, чуть успокоившись. Глаза у него красные, ресницы слиплись от слёз.

Беру его за ладошку – маленькую, тёплую – и веду к ближайшему киоску. Покупаю ему молочный коктейль с клубникой. Он хватает стаканчик обеими руками, жадно тянет через трубочку.

Пока гуляем по парку, он уже почти улыбается, иногда поглядывает на меня снизу вверх, будто проверяет, не сержусь ли я ещё. Долго не задерживаемся – всё же вот-вот должна вернуться Лисина.

Приезжаем домой.

Консьержка, сидящая за стойкой и вяжущая что-то розовое, поднимает на нас глаза поверх очков:

– Никто не приезжал, – говорит она, качая головой.

Задерживается... Даже я, с учётом всех приключений, потратил на это три часа, а её всё нет.

Поднимаемся на свой этаж, я открываю дверь и запускаю мальчика в квартиру. Он сразу же бежит в туалет, а я по пути натыкаюсь на сумку, которую привезла мне Алина. Хватаю её и, пока Тим справляет нужду, начинаю разбирать.

Вещей немного, это радует. Но для двух часов отсутствия – подозрительно много.

Пара машинок, плюшевый заяц с оторванным ухом, зубная щётка с пастой, несколько шортиков и футболок, носки с ракетами. А вот трусов будто на несколько лет вперёд. Ладно, утрирую, но всё равно странно.

Зачем вообще всё это? Словно его на неделю привезли, а не на пару часов.

Пока Тим в ванной, звоню другу.

– Что-нибудь узнал? – спрашиваю с надеждой, вглядываясь в окно.

– Узнал. Хочу тебя расстроить, – отвечает он, и по голосу слышно, что новость не из приятных.

– Если ты скажешь, что она аферистка, ты только обрадуешь меня, – пытаюсь пошутить, но выходит нервно.

– Не знаю, делай выводы сам. Два часа назад она села на самолёт.

Так, куда она могла слетать на два часа туда-обратно?

– За границу.

Ещё хуже.

– Обратный билет взят... через две недели.

Две недели...

Рука с телефоном плетью падает вдоль тела. То есть сегодня какая-то ненормальная привезла мне своего ребёнка и укатила за границу на две недели? Вспомнила, что есть богатый

папик, которому не жалко денег на няню, и свалила? Или что? Нет, это вообще нормально? Я в органы опеки обращусь нахрен.

Но вообще... Вспоминаю эти два пальчика. Может, он имел в виду две недели?

— Эй, Лазарев, ты меня слышишь? — голос друга возвращает меня в реальность.

Подношу телефон обратно к уху.

— Да-да, что там ещё?

— ДНК-тест сделал-то?

— Сделал. Завтра-послезавтра будет готов.

— Ну, мать если что бессмысленно в розыск подавать. Могу позвонить участковому, чтобы по соседям походил, поспрашивал. Я прописку её нашёл.

— Погоди, голова не соображает. Давай я перезвоню.

Отключаюсь, смотрю на сумку с детскими вещами и слышу, как вдалеке шумит вода.

Отключаюсь, падаю на диван.

Что же мы имеем? Ребёнка, его вещи и две недели.

Я могу отдать его в полицию. И сделаю это. Потому что носиться с чужими детьми я не хочу и не буду. Это не мои обязанности.

А если эта сучка не солгала и сказала правду? Что Тим всё же мой?

Хватаюсь за волосы и чуть не вою.

Так меня ещё жизнь не имела, как сегодня.

Вдруг хлопает дверь ванной — малец возвращается, топая босыми пятками по коридору.

— Есть хочешь? — спрашиваю у него рефлексивно.

— Нет, не хочу, — мотает головой, глядя в пол.

— А что хочешь?

— Мутики, — тихо, почти шёпотом.

Без слов включаю ему телевизор. Он устраивается на ковре, поджав под себя ноги, и залипает в какой-то яркий мультфильм, где пищат зверята. Я сижу на диване, уставившись в потолок. В голове каша. Надо как-то дождаться завтрашнего вечера — тогда всё решится. А что мне делать сегодня? Покормить и уложить его спать? Отличный план. Только ещё даже не вечер.

Залипаю в телефоне, гуглю вопросы типа: "Что делать, если у тебя вдруг появился ребёнок?"

И как назло, Тимур активизируется.

— Пап, а мона я хоёдиник отключю? — появляется рядом, убрав ручки за спину.

— Открой, — киваю.

Возвращается через пару минут.

— А япоко съест?

— Кушай.

Ненадолго убегает, возвращается уже с яблоком. Садится на ковёр у телевизора, залипая на мультике. Недолго.

— А мона поисовать? — приходит уже с карандашами, которые выделил ему.

— Рисуй.

— А мона попить? — с кружкой.

— Попей.

— А мона луки помыть? — смотрит снизу вверх, глаза огромные.

Раздражает. То, что он спрашивает разрешения на каждую мелочь, будто боится ошибиться.

— Так, — хватаю его за плечи, когда он приходит с очередным вопросом. — Давай договоримся так. Ты можешь делать всё, кроме: совать пальцы в розетку, играть со спичками, трогать острые предметы, засовывать руку в унитаз, поджигать квартиру, затапливать дом, пле-

ваться в полицию и писать на людей с балкона. Нельзя хранить запрещённые вещества, распивать спиртные напитки и приходить на работу с перегаром...

Последнее явно лишнее.

— А какать можно? — спрашивает серьёзно.

— Можно, — выдыхаю.

— Тогда я хочу какать, — улыбается, будто выиграл в лотерею.

— Так иди, — улыбаюсь ему в ответ.

— Там неть ситушки, — мнётся на месте.

— Сидушки?

Кивает.

— Её надо купить?

Опять кивок.

— Прямо сейчас?

— Сечас уже не надо, — продолжает нервно улыбаться.

— Ты перехотел?

Мотает головой.

— Уже сделал? — спрашиваю в отчаянии.

— Пости, — произносит, не меняясь в лице.

Дорогой дневник...

Я никогда не вёл тебя и не планировал. Но сегодня... Я хочу тебе пожаловаться.

Мне не подобрать слов, чтобы описать ту боль и унижение, что я испытал, пребывая в ванной один на один с мальчиком и его грязной задницей.

Я победил, но был сломлен.

И уверен, на этом всё не закончится. И завтра я снова вернусь к тебе с мысленным обращением.

Но надеюсь, что уже с радостными новостями и тестом-ДНК.

Глава 6. Ренат

Проснулся, чёрт возьми.

Разлепив глаза, пялюсь в потолок и надеюсь, что вчерашний день мне приснился.

– Доброе уто! – вдруг раздаётся рядом звонкий, тонкий детский голосок. Я вздрагиваю и резко поднимаюсь с постели.

Маленький мальчик, мой сын, сидит на корточках у самой кровати, обхватив колени руками. Его темные волосы торчат в разные стороны, а на лице застыло серьёзное выражение.

– Доброе, – отвечаю сонно, протирая глаза. – Ты чего здесь?

– Тя жду, – серьёзно сообщает он, глядя на меня снизу вверх.

– Кушать хочешь?

– Не, туалет.

– А, какать?

– Писять.

– Так чего не идёшь?

Он вроде достаёт, я ему ещё и дощечку подложил на всякий случай.

– Ты не лазлешал.

Господи, где он рос до этого? Почему ему нужно разрешение буквально на всё? Даже чтобы просто сходить в туалет!

Я нехотя сползаю с кровати, торопливо прикрываясь простынёй. Привык спать голым, и вчера, по привычке, сразу разделся и завалился спать, не подумав о сыне.

– Тим, – мягко беру его за плечи. – Это ненормально, что ты такой послушный. Ты же ребёнок, должен быть неуправляемой торпедой, которая носится по квартире и делает, что хочет.

Вспоминаю себя в детстве: слово «нет» меня никогда не останавливало. Мне позволяли почти всё. В итоге я ни разу не пробовал курить, не тянулся к запретному. Даже татуировку разрешили сделать в восемнадцать. Я сделал, понял, что это ерунда, и больше не хотел.

Я был ребёнком. Да, мама иногда в шутку грозилась отдать меня в детский дом, если не перестану трепать ей нервы, но я всё равно развлекался, как мог.

А тут – разрешение по каждому поводу!

– Не делай так больше, – говорю я, глядя ему в глаза.

– Как? – он удивлённо наклоняет голову набок, его глаза становятся круглыми, как у совёнка.

– Не жди моего разрешения. Делай, что хочешь. Кроме того, что я тебе вчера говорил.

– Тотню можно? – с надеждой переспрашивает он, и в голосе звучит робкая радость.

– Можно, – улыбаюсь, чуть треплю его по голове.

Он резко вскакивает и галопом вылетает из комнаты, босые пятки весело шлёпают по полу.

– Ты куда?

– Писать! – радостно кричит он из коридора, а я невольно улыбаюсь, качая головой. Дурачок, блин.

Но мысли возвращаются к его матери. Слишком уж он послушный, слишком правильный. Это точно заслуга родителей. Только вот Алина так воспитывает? Или отчим? Или всё-таки отец?

Вся эта ситуация мне очень не нравится.

Пока Тимур тусуется в туалете, я встаю, первым делом натягиваю трусы. Не успеваю выйти из комнаты, как вдруг слышу резкий звонок телефона.

– Да? – отвечаю, всё ещё сонно.

– Ренат Николаевич, у вас сегодня отбор журналистов. Кандидатки уже прибывают, – раздаётся деловой голос секретаря.

– Млять, – выдыхаю сквозь зубы и быстро выхожу из комнаты. – Я забыл.

– Перенести?

– Нет, через полчаса буду, – бросаю на ходу, уже мысленно прокручивая в голове, как теперь всё успеть.

Благо, до офиса недалеко. Надо только быстро помыться, собрать себя в кучу и ехать.

А... и мелкого собрать. Хочешь не хочешь, а его придётся брать с собой — не оставишь же одного.

А если кто-то осмелится спросить, что за мальчик рядом со мной? Соврать? Ладно, хрен с ним, по пути подумая.

Надо же ещё горшок или ободок купить, что там детям нужно...

Кооперируюсь с Тимуром после ванной.

Еды в доме на завтрак нет, поэтому заезжаю по пути в кофейню — беру ему молочный коктейль и пару свежих булок с корицей.

Параллельно отвечаю на звонки — рабочий день, чёрт возьми. Без меня ничего не могут!

Через сорок минут после звонка Андрея забегаю с Тимуром в здание. Он держится за мой рукав, оглядывается по сторонам, наверняка впервые оказавшись в подобном месте.

Сегодня же, кстати, тест-ДНК должен прийти. В лучшем случае. В худшем – завтра.

Уже жду с нетерпением, чтобы... Что? Избавиться от него? Эта мысль вообще пугает. Не хочу я от него избавляться. Но и следить за чужим ребёнком как бы... Не знаю.

Забегаю в приёмную, где пусто и тихо, только часы на стене тикают. Кандидатки, скорее всего, сидят где-то в приёмном зале — Андрей, мой помощник, пригласит их, когда я буду на месте.

Захожу в свой просторный кабинет.

— Так, ты сидишь здесь, — усаживаю Тимура на большой кожаный диван. Даю ему несколько листов А4, из приёмной у секретарши тырю ручки и цветные маркеры, оставляю всё Тимур. — Рисуешь. Сейчас ко мне будут заходить люди, и я буду с ними говорить. Ты если что-то захочешь — какать или писать — подойди и тихонько мне скажи. Хорошо?

— Хоёшо, — шепчет он, уже понимая, что на работе взрослым лучше не мешать.

Я плюхаюсь в кресло, звоню Андрею. Он говорит, что через пару минут зайдёт первый кандидат на роль журналиста в моём штате.

Зеваю, поглядываю на Тимура — он с аппетитом уплетает круассан за обе щёки.

Улыбаюсь. Щекастик маленький.

Первый псевдо-журналист не заставляет себя долго ждать.

Слушаю скучную, монотонную речь, подпирая голову рукой. И едва сдерживаю зевки. Отказываю, приглашая второго.

Есть надежда на второго, но и он не оправдывает ожиданий.

А вот третья... Ничего такая. Она что-то бормочет, а я не могу оторвать взгляд от её груди. Мушка ещё эта правой...

— Вот, конец статьи, — оглашает она.

— Интересно, — задумчиво потираю подбородок. — А ещё есть?

— Есть! — светится она от счастья, глаза блестят, как у ребёнка, которому пообещали мороженое.

Тимур, озадаченный, на что я там так увлечённо смотрю, осторожно подходит ко мне и тихонько забирается ко мне на колени. О, он уже осмелел немного!

Девчонка, запнувшись, всё же продолжает.

— Ну что, Тимур, возьмём её к себе?

— Не, — вдруг говорит малыш, нахмурившись и крепко обняв меня за шею. В смысле «нет»?

— Ты видел, какие у неё... профессиональные качества? — шепотом спрашиваю у него, наклоняясь чуть ближе, будто мы обсуждаем какой-то секрет.

— Не хотю, — и сонно зевает.

О, как.

Ренатовская жилка проснулась?

Я украдкой улыбаюсь.

— Прости, — пожимаю плечами, будто оправдываюсь перед строгим начальником. — Зам не одобрил.

Девчонка цокает каблуками, недовольно морщит нос и выходит из кабинета, хлопнув дверью. А потом за ней ещё одна, и ещё. В коротких перерывах мы с Тимом шепчемся, обсуждая каждую: кто как одет, кто как улыбается, у кого какие косички.

К концу дня мы так устаём, что я уже мечтаю поехать за этим ободком для горшка и наконец-то вернуться домой. Глаза слипаются, мысли путаются.

— Последняя, Ренат Николаевич, — сообщает Андрей, заглядывая в кабинет и кивая на дверь. Запускает очередную девушку.

Я не успеваю рассмотреть её лицо, взгляд скользит по фигуре. Хороша, ничего не скажешь. Грудь — уверенная двойка, в этой светлой блузке с аккуратным вырезом выглядит очень даже соблазнительно. Бежевая юбка плотно облегает её бедра, подчёркивая стройность.

Стоит оставить?

Нет, всё. Одну я и так уже взял только потому, что Тиму понравилась причёска одной девицы — она, кажется, только проснулась и приехала на собеседование прямо в пижаме.

А эта... Явно не понравится малыцу. Слишком уж идеальная: и фигура, и внешний вид. Опрятная, аккуратная, походка от бедра, как у моделей на подиуме.

И... взгляд. Притягательный, цепкий.

И до боли знакомый.

Я хмурюсь, когда узнаю знакомое личико у себя в кабинете.

Мисс «Ладошкой по лицу» замирает у порога, увидев меня. Глаза у неё округляются, будто она увидела привидение.

Так ты у нас журналистка! Точно! Вспомнил, как она махала передо мной бейджем.

Не могу сдержать усмешку.

Собеседование обещает быть интересным.

Глава 7. Кира

– Малинина Кира Львовна, – представляюсь главному редактору.

Собеседование здесь проходит в два этапа: сначала главный редактор, Арнольд, затем сам Лазарев. Слышала, что он лично беседует с каждым кандидатом. Но я не удивлена – у него много профессионалов, хотя и новички встречаются.

Я успела разглядеть конкуренток, немного подслушать их разговоры. У кого-то откровенная халтура, у кого-то есть кое-что стоящее.

Но в своих способностях я не сомневаюсь. У меня с собой три статьи. Одна – про того мужика-извращенца. На неё я не делаю ставку, покажу в последнюю очередь, если попросят. Она мне нравится по подаче, по накалу, но сама тема – не масштабная.

Вторая – средненькая, но уверенная.

– Но третья... – шепчу себе под нос. Информация об одном политике. Она должна выстрелить и обеспечить мне место в штате.

– Что вы сказали? – переспрашивает главный редактор.

– Ничего, – закидываю ногу на ногу. Мужчина ведёт бровью, вчитываясь в каждую букву. И кое-что здесь не так. Разве передо мной не сам Лазарев?

Я в журналистике уже пять лет. Наслышана об этом человеке.

Несколько раз была на крупных мероприятиях, где видела его издалека. И это – он.

Неужели у него такая проверка? Под видом главного редактора он проверяет меня прежде, чем взять на работу. С боссами мы ведь по-другому себя ведём, а ему нужна прозрачная картина.

Неплохо, Лазарев, вот какой у тебя план. Или у Вас? Ему больше пятидесяти, максимально серьёзен.

Но я тебя раскусила.

– Про отца, – цепляется за статью про того красавчика-извращенца. Попу покалывает в том месте, где он ударил. Больно до сих пор. – Не годится. Написано хорошо, но детский сад. Про политика ему понравится, предлагайте её первой.

Усмехаюсь про себя. И как он так о себе в третьем лице говорит?

– Опыт работы у вас имеется, выглядите вы очень даже хорошо. У вас есть все шансы.

Прямолинейно, хвалю.

– Пять минут, и я приглашу вас в кабинет.

Было бы неплохо, а то я устала ждать. Но сама виновата — я опоздала, пришла последней. А передо мной была целая очередь из желающих. Вот не задержалась бы я, перебирая одежду, этого бы не случилось.

Но с ночи подготовиться не успела. Я вообще легла поздней ночью, дописывая материал.

Зато я — как вишенка на торте.

Встаю из-за стола, направляюсь в приёмную. Ожидаю ещё несколько минут, пока не приходит помощник Рената Николаевича.

— Прошу, — указывает он на дверь.

Выпрямив плечи, встаю и, покачивая бёдрами, направляюсь к кабинету. Уже мысленно строю из себя дурочку, которая не поняла плана Лазарева и восхищена его тактикой проведения собеседования. Мужчинам ведь нравится, когда их хвалят.

Уверенно переступаю порог кабинета, останавливаю взгляд на широком деревянном столе. Точнее, на людях за ним.

Какого?..

Стопорюсь, едва успев сделать два шага.

Прижимаю к себе планшет и стискиваю зубы. А это что ещё за ерунда?

Передо мной сидит тот самый извращенец из парка. Со своим милым сыном, который, выпучив глаза, сейчас соскакивает с колен и будто бы прячется за столом. Но на деле выбегает из-за него, рассматривая меня поближе.

Может, он помощи попросить хочет с таким отцом?

Так, Кира, не думай о ребёнке, ты на работе. У тебя деформация на фоне младшей сестры. Привыкла за ней следить, переживать, буквально заменяя ей мать. Вот и сейчас переживаешь за малыша.

А надо думать о другом. О том, что меня разводят.

Как этот мужчина может быть Лазаревым?

Я ведь видела его на встречах!

Хотя... там всегда было много народу. Неужели перепутала? И коллеги, указывая на Рената Николаевича, имели в виду другого человека? А я заиклилась на том седоволосом мужчине? Годы – это опыт. А Лазарев был гением. Вот я и подумала...

Постойте-ка, если вспомнить, год назад я видела его на одном мероприятии... Рядом с главным редактором.

Теперь всё ясно! Они были везде вдвоём, и я подумала, что Арнольд — тот самый Лазарев. Вышло всё наоборот.

А я ещё в парке заметила, что мордашка у него знакомая...

— Ренат Николаевич, последний кандидат, — подтверждает мои опасения помощник владельца компании.

Чёрт возьми.

Это та самая «шишка», к которой я хотела устроиться. И которой вчера дала заслуженную пощёчину.

Можно смело разворачиваться и идти на выход. Но я была бы не я, если бы так сделала.

Потому что у меня есть козырь в рукаве.

Возвращаю себе уверенность и, непроизвольно вилля бёдрами, направляюсь к столу.

— Здравствуйте, не ожидала, что мы так скоро встретимся, — любезно начинаю, улыбаясь мальчишке, который выглядывает из-за стола. Он смущённо хлопает ресничками, стесняясь.

Ну милаш! Я на тебя квартиру перепишу! Бабушкину! У меня своей нет!

— Здравствуйте, — сухо отвечает Ренат Николаевич. Но, судя по его усмешке секунду назад, не такой уж он и сухарь. Явно сейчас ликует у себя в голове.

Дверь за мной закрывается.

— Вы всё ещё здесь? — выгибает он бровь, сцепив перед лицом руки в замок. — Сами должны понимать, что у нас будет короткое собеседование. После того, как моя щека до сих пор горит.

— Я рискну, чтобы немного задержаться, — нагло отвечаю.

Моя статья про мужика-извращенца мне точно понадобится.

Бизнесмен и ас журналистики домогается до девушек средь бела дня при своих детях. Есть ребёнок — есть жена. Что же скажет она, когда в сети появится подобная статья с доказательствами, м?

Там ведь его физиономия на первой страничке мелькает.

Интересно, а что же Арнольд не осёк меня и не рассказал, что на фотографии — их босс?

Подставить меня решил!

— Я здесь как журналист, а не как посетитель парка. Мне казалось, в нашей сфере нужно разделять личное и работу.

— Языком вы работаете хорошо, — снисходительно отвечает он и с намёком продолжает: — Руками тоже. Тим, возьмём её на работу?

Чего?

Невозмутимо смотрю на мальчика. Он смущается ещё сильнее.

Он серьёзно спрашивает — принимать меня или нет, у своего сына? Это же... Бред! Он даже не прочитал мой материал!

— Нетъ, — мило проговаривает мальчишка, на этот раз сделав шажочек и спрятавшись за диваном.

— Почему, малыш? — наклоняюсь к нему. На каблуках я слишком высокая — мало ли, он испугался?

— Тётя класивая, но папу удалила. Папа холоший, его низя бить.

Говорит всякую каку, но я готова его простить! За одни только слегка румяные щёчки!

Выпрямляюсь, включаю стерву и обрушиваю весь свой гнев на расфуфыренного павлина.

— Вы серьёзно принимаете сотрудников на основании мнения вашего маленького, не разбирающегося в журналистике, сына?

— Да, — хмыкает, пожав плечами.

— И так легко пойдёте у него на поводу?

— Он делает, что хочет. Хоть бегает здесь голышом. Да, Тим?

— Да-а-а! — вдруг ревёт мальчик, неожиданно стянув с себя джинсовые бриджи. — Тё хотю!

Ренат Николаевич неожиданно прыскает от смеха, а я стою на месте, не зная, как на это реагировать. Он как вообще ребёнка воспитывает? Нет, вопрос — как жена доверила ему их сына?!

— Вы что, это же ненормально, — шепчу. — Малыш, надень штаны обратно. Тут кондиционер, застудишь же всё.

— Нетъ, — идёт дальше, запутавшись в бриджах.

— Скажите ему! — повышаю голос на Лазарева.

— Нет, — разваливается на кресле. — Он что хочет, то и делает. Это ребёнок, ему можно.

— Да вы...

Слов не нахожу.

Сверлю взглядом эту ослиную голову. Пока его красивейший сынуля ходит без штанов по кабинету, забирается на диван и так же вальяжно садится, пародируя своего отца.

Как две капли воды похожи друг на друга!

Стараюсь сдержаться, чтобы не рассмеяться. Это непрофессионально! Но смешно. Он такой серьёзный сидит.

— Ладно, Тим, — снисходительно и довольно говорит мужчина, улыбаясь. — Умница, но штанишки надень. А то вдруг и правда всё застудишь.

— Хоёшо, пап, — легко соглашается с ним мальчик, спрыгивает с дивана и тут же надевает всё обратно. А потом зачем-то извиняется передо мной: — Постите.

Опять застываю.

Да что тут происходит?!

— Ладно, девушка-короткие-шортики, — обращается уже ко мне.

Даже запомнил, гад, что у меня шортики были.

— Вы мне не подходите.

— Вот как, — хмыкаю, подходя к столу. Наклоняюсь, протягиваю ему лист с распечатанной статьёй. И, упираясь ладонями в стол, чеканю: — А что вы скажете на это?

Ничего, Лазарев, ты у меня ещё под дудку мою плясать будешь, извращенец.

Горе-папаша берёт мою статью, быстро пробегаётся по ней взглядом — и усмехается, поднимая глаза на меня.

— И что? — выгибает бровь.

Как это — что?

— У меня свои телеграм-каналы, где больше ста тысяч подписчиков. В сумме — около пятисот. Не бойтесь, что это выльется в массы, и ваша жена с вами разведётся? Хотите разрушить семью?

Опять непоколебим. Бесит.

Он встаёт из-за стола с той же победной усмешкой. Упирается ладонями в стол, наклоняется вперёд, повторяя мою уверенную позу.

— Куколка, ты просчиталась в нескольких моментах.

Я ловлю его взгляд на своих губах. Хочется рефлексивно их облизнуть, но сдерживаюсь.

— Во-первых, я не женат.

Значит, отец-одиночка?

Блин-блинский. Миссия провалена.

— Во-вторых, обо мне столько негативных статей в интернете, что эта — никого не удивит. Фотографии легко делает нейросеть, так что для меня это — очередная соринка под ногами. У тебя есть ещё аргументы, чтобы я взял тебя на работу?

Всё же не выдерживаю и закусываю губу. Гад.

Стоило догадаться, что этому человеку плевать на любые выпады в его сторону. Он работает в медиасфере — здесь нужны стальные яйца. И, судя по всему, они у него есть.

— Профессиональные качества, — выдыхаю на его вопрос. — Я пять лет в журналистике. Работала у таких людей, как...

— Плевать, — хмыкает он, садясь обратно. Но статью про политика всё же берёт в руки. Я даже не заметила, как отдала ему всё, что у меня было.

Вдруг чувствую, как маленькие пальчики тычут мне в бедро. Опускаю взгляд — передо мной малыш с бездонно тёмными глазами.

— Тёть, а ты кусать котовить умеешь? — вдруг спрашивает он.

— Умею, — отвечаю на автомате.

— А молоко нлавится?

— Вроде нравится.

Какое-то странное собеседование.

— Пап! — восторженно поворачивается к отцу. — Тавай её восьмём!

Он ничего не отвечает. И мне почему-то совсем не хочется, чтобы меня взяли на работу только из-за этих качеств.

Ага, а что ты будешь есть, Кира? А сестру на что содержать? Принципы принципами, но деньги мне нужны. На одной рекламе не вывезешь.

— Уверен? Она же не будет тебе готовить, — говорит он сыну.

— Не бутет? — малыш смотрит с таким расстройством, будто вот-вот заплачет. Душу рвёт, чёрт возьми.

Я вообще не могу пройти мимо детей. Всё из-за того, что когда-то на пару лет потеряла сестрёнку. После того, как мать лишили родительских прав, и она попала в детский дом.

Как вспомню, как она смотрела на меня так же, когда я говорила, что не смогу её забрать... Всё. Готова разрыдаться прямо сейчас.

Резко присаживаюсь на корточки, поправляю юбку и заглядываю в расстроенные глазки.

— Обещаю, даже если меня не возьмут на работу, я что-нибудь тебе приготовлю. Договорились?

На потухшем лице вдруг появляется робкая, но смелая улыбка.

— Да?

— Угу, — киваю и протягиваю ему мизинец. — Заключим договор.

— Договор? — переспрашивает он, но всё же сжимает мой пальчик.

— Обещание друг другу, — поясняю.

На секунду его лицо хмурится. Он резко отдёргивает ладошку. Неужели мои слова про обещания его задели? Может, папа не сдерживал своих?

— Ладно, — раздаётся сверху голос Лазарева. Я вскакиваю, забывая, что он всё ещё здесь, в кабинете. — Сын одобрил. Пишешь ты неплохо, так что бесполезной не будешь. Принята на испытательный срок.

Внутри меня вспыхивает радость — чистая, детская, почти забытая. Попасть к такому человеку на работу — это маленькая победа в мире журналистики. И пусть не только благодаря одобрению маленького человечка, но и благодаря собственному таланту.

— Спасибо! — искренне благодарю, на миг забыв о нашей недавней перепалке. А вот он, кажется, не забыл.

— На выход, — чеканит он, указывая на дверь.

Я мягко глажу мальчика по макушке, прощаюсь с ним и пулей вылетаю из кабинета.

Глава 8. Кира

— Ну как? — спрашивает сестрёнка, стоя на пороге квартиры. Даже разуться не дала — вся в нетерпении!

— Всё плохо, — мрачно резюмирую, скидывая надоедливые туфли. Не люблю их, но для собеседования пришлось надеть.

— Не взяли? — огорчённо шепчет любимка, заглядывая мне в глаза. Я достаю из-за спины коробку с тортом, демонстрируя маленькую, но важную победу.

— Взяли!

Ириша радостно подпрыгивает и бросается мне на шею с поздравлениями.

— Я в тебя верила!

— Задушишь же! — смеюсь, пытаюсь освободиться из её крепких объятий.

Она отпускает меня, давая передохнуть.

— Пошли чай с тортом пить, расскажу, как всё прошло, — зову её, уже направляясь на кухню.

На ходу снимаю рубашку — вот оно, преимущество жизни вдвоём, без мужчин: можно спокойно ходить по квартире в одном лифчике. Но всё же накидываю майку и бегу на кухню, ставлю чайник. Пока переодеваюсь, начинаю рассказывать сестре о своём собеседовании.

Ириша смеётся, хлопает ладонью по столу и чуть не давится кусочком торта.

— Вот это ты лоханулась!

— Лоханулась, — смущённо шепчу, снова лезу в интернет искать информацию про этого Лазарева. Конечно, на первой странице — его фотография, вся биография, подробности жизни. А вот на снимках — ни одной личной фотографии! Везде он с кем-то, чаще всего мелькает Арнольд. Вот я и опозорилась своим незнанием.

Но кое-какую информацию всё же нахожу: тридцать пять лет, холостяк. Хм, не соврал. Детей нет.

Как это — нет?

— Главное, что тебя взяли, это ведь твоя мечта была, — говорит сестрёнка, ободряюще улыбаясь. Я шутливо отвечаю ей подзатыльник.

— Сядь нормально, что опять за поза лотоса на стуле?

— Душила, — закатывает глаза и свешивает ноги. — И злая. Вот прикинь, тебя и правда ребёнок по попе шлёпнул, а ты на него наехала.

Может быть, не буду отрицать. У мужика ладонь всё-таки тяжелее должна быть. Но извиняться не собираюсь!

— Будет знать на будущее, что ему такое не позволительно, — хмыкаю. — Ладно, давай попьём чай, отдохнём полчаса и по магазинам. У нас ни продуктов, ничего. Хочу сегодня вечером кое-что приготовить.

— Есть, сэр! — она отдаёт мне честь, изображая строгого солдата.

Ещё немного болтаем, отдыхаем, а потом отправляемся в магазин. Закупаюсь продуктами, и вечером мы вместе готовим ужин. В духовке томятся ватрушки с творогом, на плите булькает плов с курицей.

— А чего так много готовим? — удивляется сестра, заглядывая в кастрюли.

— Я пообещала одному мальчику, что что-нибудь ему приготовлю.

— Это сын босса?

— Ага.

— Ну ты не можешь пройти мимо детей, — говорит она с наигранным возмущением. Я откладываю ложку, обнимаю её крепко-крепко, ни капли не жалея о том, как сложилась наша жизнь.

Даже когда у этого четырнадцатилетнего подростка случается всплеск гормонов, и я хочу её убить, ни капли не жалею о том, что удочерила её. Своя же, козявка.

— Отпусти-и-и, мстительная женщина! — смеётся Ириша, пытаюсь вырваться. — Задушишь же!

— А ты думаешь, что я хочу сделать? — отвечаю, но всё же отпускаю её.

Да, после того, как сестрёнка оказалась в детском доме, и я увидела, как живут остальные дети, не могу пройти мимо.

Каждый месяц мы ездим по детским домам, особенно в те, что в плачевном состоянии, и помогаем, чем можем. Конечно, одна я бы не справилась. Организую сборы в своих каналах, ищу неравнодушных людей и волонтеров, которые не ленятся приехать на другой конец города и помочь заделать дыры в стенах, привезти продукты или просто поиграть с детьми.

В этом месяце мы ещё никуда не выбирались, но одно место я уже нашла. Надо бы сделать пост в группах, чтобы собрать средств и помощников.

— Не могу, — пожимаю плечами и продолжаю обжаривать мясо на сковороде. — Я же мать.

И с преувеличенной серьёзностью бью себя в грудь.

— Нерожавшая мать, — пародирует меня сестра, едва сдерживая улыбку.

Я закатываю глаза и, не удержавшись, снова отвечаю ей лёгкий подзатыльник.

— За что? — возмущается она, потирая затылок.

— А ты не передразнивай, — отвечаю, стараясь выглядеть строгой, но уголки губ всё равно предательски подрагивают.

Вечер заканчивается нашей традиционной сестринской потасовкой — мы смеёмся, дурачимся, гоняем друг друга по квартире. А утром она уже провожает меня на работу с улыбкой и просит вернуться пораньше, потому что на каникулах ей скучно.

Новый день — новая работа...

Приехав в офис, первым делом иду к своему новому начальнику. Меня взяли на должность обычного журналиста третьего уровня — новичка, так сказать. Но я уверена, что быстро продвинусь. Моя цель — кресло главного редактора.

Простите, Арнольд, но я слишком целеустремлённая девочка.

Сегодня начальник даёт мне слишком простое задание: днём проверить несколько статей и переписать их так, чтобы они стали интереснее. Что-то вроде теста — всё-таки я ещё на испытательном сроке.

Но настоящая проверка ждёт меня ночью. Нужно будет отправиться в клуб, где появится одна женатая звезда, и поймать его на «горячем». Для меня это проще простого.

Поэтому я не переживаю, спокойно работаю, а в перерыве гуляю по этажу в надежде встретить Лазарева. Хочу передать его сыну ватрушки и плов — я ведь обещала.

Вижу их в конце коридора. Оба выглядят уставшими, будто не выспались.

Я ускоряю шаг, первой юркая в приёмную, где уже сидит секретарь.

— Рената Николаевича нет, — сообщает она, не отрываясь от монитора.

— Я знаю, он идёт, — отвечаю, кивая на приближающихся мужчин.

Сейчас заманю мальчишку ватрушками и уйду по своим делам.

Через несколько минут мужчина с сыном появляются у кабинета.

Мы встречаемся с Лазаревым взглядами.

— Уже увольняться пришла? — хмыкает он. — Ты на испытательном, поэтому могла просто не приходить.

— Да не дождётесь, — парирую я, переводя взгляд на застенчивого мальчика рядом с ним. Он стоит уверенно, и даже, кажется, как отец, вопросительно приподнимает бровь. — И я не к вам.

Вижу интерес в глазах Рената Николаевича.

— Поговорим у меня в кабинете, здесь душно, — говорит Лазарев, оттягивая ворот рубашки, и заходит внутрь вместе с сыном. Я быстро следую за ними.

Глава 9. Ренат

Поворачиваю руль в сторону и зеваю, никак не могу прогнать этот чёртов сон.

Рядом сидит моя мини-копия — так говорит консьержка, — и тоже зевает, широко открывая рот.

Мы поздно легли спать: он смотрел мультики, а я уткнулся в телефон, надеясь, что вот-вот придёт результат теста ДНК.

Не пришёл, гад.

Обещали сегодня, и я уже весь на нервах, не могу дождаться.

Честно говоря, устал.

Ребёнок — это не котёнок: не бросишь его дома, не уберёшь за ним дерьмо, не погладишь и не уйдёшь по своим делам.

Вчера мы купили ему сиденье для машины, для унитаза, кучу детских принадлежностей.

Несколько ночников — ему страшно спать в темноте, и засыпает он только при включённом свете. А ещё — гору еды, потому что этот маленький растущий организм буквально живёт в холодильнике.

И всё время таскает с собой бутылку молока. Вот это меня больше всего удивляет: меня за день от этого молока уже тошнить стало, а он его каждый день выпивает чуть ли не по два литра.

Может, у него какие-то проблемы? Надо бы к врачу свозить.

Даже если это не мой ребёнок — всё равно помогу. Мать же идиотка, сама не может.

А пока мы сонные и вымотанные после вчерашних походов по магазинам, едем в офис. Не хочется таскать его с собой повсюду, но он не против. Говорит, что ему интересно и очень нравится быть со мной.

Это мило, приятно, но и страшно.

Припарковавшись на своём почётном месте директора, беру Тима, кучу вкусняшек и игрушек и направляюсь в офис.

— Сейчас придём, я оставлю тебя с тётей, и ты у неё позавтракаешь, ладно? — спрашиваю всё ещё сонно.

— С какой тётей? — уточняет мой маленький политик. Он вообще дотошный, всё время спрашивает: почему машина едет, куда уходит вода с его какашками, и всё в таком духе.

— С моей сотрудницей.

— Это та, что тебя удалила?

Он про... Как её там зовут? Забыл уже. А, Малинина. Девчонка с хорошей задницей и слишком большой уверенностью.

— Нет, не она.

— Она доблая, — грустно отвечает Тим, расстроившись.

— Как твоя мама? — спрашиваю его.

Вчера пытался узнать о ней побольше, но, когда речь заходила о матери, он сразу мрачнел, опускал взгляд и молча продолжал рисовать в альбоме.

— Да, — отвечает он неуверенно.

Тяжело вздохнув, захожу в лифт и поднимаюсь на нужный этаж. Как только двери открываются, начальники отделов тут же облепляют меня вопросами, будто я телезвезда.

— Потом, — бурчу я, отмахиваясь. Захожу в приёмную и замечаю Малинину.

Ну, хороша, ничего не скажешь. Эх, Лазарев, падкий ты на внешность. Но посмотреть есть на что: стройная, с длинными выющимися волосами, в строгом костюме из юбки и блузки, и с каким-то озорным блеском в глазах. А ноги какие...

— Уже увольняться пришла? — хмыкаю. — Ты на испытательном сроке, могла бы просто не приходить.

— Да не дождётесь, — быстро отвечает она, переводя взгляд с меня на Тима. — И я не к вам.

Не ко мне? К Тимуру, что ли?

Ах да, она же вчера обещала ему что-то приготовить. Судя по пакету в её руке, намерения у неё серьёзные.

Но нам же плюс: мелкий обожает домашнюю еду, плохо относится к бургерам и круасанам, любит домашнятину — и это радует. И огорчает, потому что я не готовлю, но доставка спасает.

— Поговорим у меня в кабинете, здесь душно, — недовольно говорю, оттягивая ворот рубашки, и веду Тима в кабинет. Хотел оставить его здесь, но раз уж планы поменялись — плевать.

Замечаю, как Малинина юрко идёт за нами. Мелкий тут же бежит к дивану у столика — есть хочет, бедолага. Да и я сам не против перекусить.

— Зачем пришла? — спрашиваю, бросая взгляд на Малинину.

— Я обещаю вашему сыну кое-что приготовить, и я всегда держу обещания, — высокомерно отзывается мне. Там что, смелость прорезалась?

Да ладно? Вчера что-то такое было, да. Какие-то обещания давали.

Я оборачиваюсь, а она и правда достаёт из пакета другой пакет, набитый какими-то булками.

Булки... Я их сто лет не ел.

И ещё несколько контейнеров. Один, кажется, с пловом, другой с овощами.

— Ватрушки и плов. Надеюсь, тебе понравится.

Ватрушки?

Я тоже хочу.

При виде радостного лица сына начинаю ему завидовать.

Прямо резко захотелось рвануть к маме. Но не получится. Что я скажу? Мам, держи внука, ты ведь так хотела? Да она инфаркт словит, хоть и сердце у неё крепкое.

Пока только слюнями захлёбываюсь.

— Тут и для вас есть, — с каким-то пренебрежением доносится до меня голос Малининой. Как будто одолжение делает.

— Больно надо, — хмыкаю я.

— Ну и не ешьте.

Коза.

— А ты кушай, набирайся сил, — говорит девчонка, поднимая руку.

Она хочет дотронуться до его щёчки или макушки, но Тим вдруг отодвигается назад, вжимаясь в спинку кресла.

Мы оба удивляемся.

За эти полтора дня я заметил, что он боится рук. Неспроста. Его дома бьют, что ли? С виду нормальный пацан. Но мать там невменяемая, мало ли?

— Стесняется, — неловко отвечаю за него. — Что надо сказать?

— Спасибо! — тихо говорит он.

Кира резко выпрямляется, смотрит на меня так, будто я как минимум, квартиру её в карты проиграл. Я ещё натворить ничего не успел, а меня уже ненавидят.

Женщины все себе на уме?

– До свидания, – шипит она мне и, развернувшись на каблуках, вылетает из кабинета. Странная реакция. И у Тима на её руки, и у неё на его поведение. Почему он так сжался? Мать его была?

А всех детей бьют, или нет? Меня отец мог выпороть в детстве, но я такие финты выкидывал, что грех было не наказать. А как у других – чёрт его знает.

Но Тим маленький, послушный, за что его бить-то? Ладно по попе, но он остро реагирует именно на руки. От меня тоже иногда шарахается. Явно что-то тут не так.

– Пап, пахнет фкусно, давай поетим? – тянет меня за рукав Тим.

Конечно, странно, что такой человек, как я, вообще принял еду от кого-то, но... Тим хочет.

– Сначала плов, потом сладкое, хорошо?

Он кивает, берёт ложку, которую заботливо положила... Кира. Точно, Кира. Всё думаю, что у неё за имя такое необычное. Вспомнил!

– Холошо, – послушно говорит он, уплетая за обе щёки рис с мясом. А мне кусок в горло не лезет. Надо как-то разговорить Тимура о семье. Чтобы рассказал больше о матери и отчине. Вдруг они издеваются над ним? Может, мне надо подать в суд за жестокое обращение с детьми?

А его потом куда? В детский дом?

Мотаю головой. Что за мысли в голову лезут?!

Отвлекаюсь на звонок телефона, достаю его из кармана.

Хм, Костя. Что ему надо?

– Здорова! – начинает друг. – О мальчишнике помнишь? Сегодня вечером, клуб.

Конечно, не помню! Какой мальчишник?!

Чёрт возьми, я о нём полторы недели думал и мечтал, пока на пороге моего дома не появился Тим.

— Я не смогу прийти.

— Ты офигел? Хочешь нашу дружбу испортить?

— Тут долгая история. У меня ребёнок, за которым надо следить.

— Ребёнок? Ты? Следить? А чей? Твой? Чужой? Стой, какого чёрта?

— Вот видишь, какая у меня ситуация?

— Ничего не знаю, жду тебя в клубе, расскажешь. Мальцу сколько лет? На стриптизёрш смотреть можно? Пить-то понятно.

Я хмурюсь, поглядываю на Тима. Тёти ему нравятся. Оголённые — ещё сильнее понравятся.

Но я же не осёл, чтобы четырёхлетнему ребёнку полу-голых тёть показывать!

— Лучше не надо.

— Ладно, ради тебя откажусь от стриптиза. Приходи, короче, с ним. Хочу знать всё!

Он отключается, а я зло сжимаю телефон в руке.

Вот же засада! И на мальчишник не прийти нельзя — всё-таки мы с Костяном почти двадцать лет дружим. А с другой стороны, тащить мелкого...

— Тим, — зову его, пока он уплетает плов.

— М? — спрашивает с набитым ртом. Щёки у него круглые, как у хомячка, а глаза блестят.

— Знаешь, что такое клуб?

Он мотает головой.

— Музыку любишь?

— Девотки и мальтики! — вдруг начинает танцевать на диване, смешно двигая попой. — Сладкие, как каламелки. А на них босие башмаки... Это Бал-бал-бал-балики!

Я устало вздыхаю, повторяя за ним:

— Лёгкие, как мотыльки, а в глазах фонарики...

Вчера мы столько раз слушали эту песню, что я, кажется, выучил её наизусть.

— Бал-ба-ли-ики! — неожиданно поёт Тим, беря такие высокие ноты, что я невольно улыбаюсь.

Конечно, это совсем не то, что нужно, но да ладно...

Покажу этому мужику, что значит клуб. Вырастет лет через десять — будет друзьям хвататься, что в четыре года бухал рядом с отцом. Ну, или просто другом. Хрен знает, кем я ему в итоге окажусь.

— Значит, в клуб пойдёшь со мной?

— Пойту! — радостно отвечает он, дёргая ножками. Вот же активный ребёнок... Всё выпитывает, как губка.

— Отлично. Давай тогда так: ты кушай, а я схожу к одной тёте, скажу, чтобы она тебе одежду прикупила. Надо же нам быть красивыми, да?

— Да! — кивает он, широко улыбаясь.

Я быстро выхожу из кабинета. В хорошем настроении. Слишком хороший мальчик. А главное — послушный. Сказал ему делать всё, что хочет. Он и делает. Ребёнком становится!

Вдруг останавливаюсь, увидев перед собой... забавную картину.

Чуть свист не вырывается.

Это задница Малининой. Сто процентов. Она стоит посреди приёмной, наклонившись, и ругается на свои туфли. Я замечаю, как её темные волосы падают на лицо, а юбка чуть задралась.

У меня аж рука чешется. Теперь понимаю сына, который не смог сдержаться и не ударить её по попе.

В голове появляется безумная идея. Могу ли я себе это позволить? Хотя как-то порадовать себя за последние дни?

Рука сама тянется и шлёпает Малинину по попе.

Она резко выпрямляется, ладонями прикрывает попу, оборачивается ко мне, губы открыты от удивления. Кажется, она даже теряет, втягивает воздух ртом.

— Вы что...

— Это чисто мужской шлёпок. Чтобы различала, кто тебя бьёт — мужчина или ребёнок. Разница заметна? — нападаю первым, подшучивая над ней.

Нет, это какой же надо быть незнающей, чтобы подумать, что тот легенький шлепок был от меня? Мужика никогда не было что ли?

— Заметна, — она сглатывает, и я замечаю, как у неё краснеют уши. Засмушалась, что ли? — Но...

— Иди работай, Малинина. А то уволю, и больше жизнь малиной тебе казаться не будет.

— Ко... — начинает она, закипая, но быстро осекается. Что там? Козёл? Банально. — Конечно, как скажете, босс.

Последние слова она буквально шипит сквозь зубы, а потом гордо задирает подбородок и уходит прочь из приёмной.

— Босс... — шепчет секретарша, всё это время наблюдавшая за нами из-за стола. Я смотрю на неё так, что сразу понятно: обсуждать это не хочу.

— Неважно. У тебя задача. Надо купить ребёнку костюм. Чёрный. И шляпу хочу ему, как у гангстера, — говорю я, представляя, как малыш будет самым красивым в клубе.

— А размер? — осторожно спрашивает она.

— Метр у тебя с собой? Тот, которым ты после каждого обеда талию измеряешь? — усмехаюсь я.

Секретарша легко кивает.

— Вот и хорошо. Зайдёшь, измеришь его и купишь всё, что нужно.

— Хорошо... — растерянно соглашается она, но вдруг выпрямляется за столом, собираясь с мыслями. — Ренат Николаевич, я бы с этой новенькой поаккуратнее была.

— Почему? — спрашиваю, приподнимая бровь.

— Мне кажется, она засланный казачок, — секретарша понижает голос, озираясь по сторонам.

Выгибаю бровь, ожидая предложения?

Эта вот? Засланный казачок?

— Вышла из кабинета и давай меня расспрашивать: как давно ребёнок с вами, не бьёте ли вы его и так далее. Статью явно готовит. Сейчас проникнет к нам в штат, а потом убежит к себе обратно с грязью.

— Хм... — я потираю подбородок, задумавшись.

Копаетшь, значит, под меня, да? Посмотрим на тебя, Малинина.

Глава 10. Ренат

– Ну какой ты крутой, – снова бросаю взгляд на сына, который сидит в детском кресле на переднем сиденье. Улыбаюсь, не могу удержаться. – Чувствую, придёшь ко мне лет в шестнадцать и скажешь, что женишься.

– Шенишься? – переспрашивает он, наклоня голову на бок, глаза широко распахнуты от любопытства. – Тё это такое?

– Это ад, зайка моя, – вздыхаю и глушу мотор. – Называется «рабство».

– А лабство тё такое? – спрашивает он, морща лобик, пытаюсь понять новое слово.

– Это плохо, малыш. В общем, не женись, поживи для себя, – говорю, но в душе понимаю: всё равно уведут.

Я первым вылезая из машины, отстёгиваю Тима из кресла. Как же ему идёт этот классический чёрный костюм и белая рубашка! А шляпа! Маленький гангстер, только одного не хватает...

– Ну-ка, погоди, – лезу в бардачок, роюсь среди всякой ерунды и достаю накладные усы. Как только увидел их сегодня в магазине – сразу понял, что это судьба. Открываю пачку, аккуратно приклеиваю усы под носик своему маленькому мафиози.

– Я касивый? – вдруг спрашивает он, смешно высовывая язычок и пытаюсь дотянуться до бумажных усов.

– Огонь! Все девки твои, – смеюсь, глядя на него с умилением.

– Еее! – радостно кричит Тим, даже не понимая, о чём речь, но счастье у него на лице написано крупными буквами.

Я аккуратно спускаю его на асфальт, захлопываю дверцу машины. Беру моего маленького бандюгана за руку и веду к входу. Народу немного, но секьюрити сегодня какой-то особенно злой. Клуб элитный, со стриптизёршами, всякую шушеру не пускают.

Девчонки, увидев моего спутника, начинают хихикать и кокетливо строить глазки Тиму. Он сначала смущённо прячется за моей ногой, но, заметив мою идиотскую улыбку, начинает с ними заигрывать – машет ручкой, строит рожицы.

– Будем ждать вас в клубе, мальчики, – говорит одна из девушек, посылая воздушный поцелуй. Конечно, Тиму, не мне.

Вот это да! Первый раз меня обделили женским вниманием.

Доходит наша очередь. Подходим к охраннику.

Мужик смотрит вниз, на Тима, хмурится.

– Это что?

– Кто, – поправляю его, стараясь не улыбаться.

– С детьми вход воспрещён, это стриптиз-клуб. Отведи брата домой и возвращайся.

– Какой это тебе деть? Усы не видишь? Возмужавший мужчина!

Тим, поняв игру, начинает смешно шевелить усиками.

– Я не слепой. Он тебе выше колена.

– Карлик. Впервые видишь? Или ты карликов за людей не считаешь? Может, мне на тебя жалобу написать? За дискриминацию?

– Тискиминацию, – с трудом выговаривает Тим, упирая ручку в бок, мол, ну что, понял?

– Он даже говорит, как ребёнок, – злится охранник, лицо у него краснеет.

– Да он просто лыка уже не вяжет. Подшафе, – подмигиваю.

Мужики за моей спиной начинают откровенно ржать. Охранник всё ещё не сдаётся, но видно, что аргументов у него не осталось. Хотя, кажется, он всё-таки что-то придумал – открывает рот:

– Паспор...

— Ренат! — вдруг окликает меня из входа владелец клуба, мой друг. — Ты долго там ещё глумиться будешь?

Поднимаю недовольного Тима на руки. Не дают ребёнку под музыку поколбаситься.

— Да у тебя тут новенькие пройти не дают, — хмыкаю, глядя на качка, который преграждает нам путь.

— Серый, ты чё? Пусти его, — раздаётся строгий голос Басманова.

— Так у него ж ребёнок... — Серый мнётся, растерянно смотрит на Тима.

— Дефки все мои! — вдруг неожиданно громко заявляет мой малец, выпячивая грудь и сжимая кулачки.

Я удивлённо хлопаю глазами, не могу сдержать улыбку.

— Во, видел? — смеюсь. — Мелкий такого не скажет!

Со смехом прохожу мимо, крепко прижимая Тима к себе.

— Сейчас будет громко. Закрой глазки и ушки, хорошо? — шепчу ему на ухо.

Тим серьёзно кивает, зажмуривается и закрывает ушки ладошками. Его щёки раздуваются от старания, а губы складываются в смешную трубочку.

Мы заходим в клуб. Музыка гремит так, что пол дрожит под ногами. Я пробираюсь сквозь толпу, держу Тима крепко, чтобы не волновался и знал, что я рядом. Направляемся в ВИП-комнату с балконом. К счастью, друг ничего не спрашивает — всё равно ничего не услышит из-за грохота.

Но вот мы в комнате. Там уже собрались мужики, все смотрят на меня с вопросом в глазах. Приходится выкладывать всё, как на духу. Сердце стучит громко, я переживаю за Тима, но он, кажется, чувствует себя отлично. Сидит на диване, потягивает молоко из бутылочки и строит глазки официантке, которую мы заранее попросили одеться поприличнее.

— И теперь ты ждёшь тест-ДНК? — переспрашивает Май, мой друг из компании.

— Да, — киваю и проверяю телефон, надеясь, что вот-вот придут результаты. Но ничего.

Максимум, что радует меня этим вечером — я хоть на минутку расслабляюсь. Друзья вместо того, чтобы бухать на мальчишнике, возятся с моим мальчуганом: кто-то катает его на плечах, кто-то показывает фокусы. Май вообще от него не отходит. А я сижу на балконе, попиваю коктейль и смотрю вниз на танцующую толпу и кучу развязных девиц.

Нет, девушку на ночь искать нельзя.

Раньше я мог выбрать любую, отвезти домой и просто провести чудесную ночь. А сейчас...

Смотрю на Тима. Увы, но пока мой дом и мои трусы под замком.

Тяжело вздыхаю, снова оглядываюсь по сторонам. Вдруг замечаю какое-то движение сбоку. Присматриваюсь — знакомый чехол телефона выглядывает из-за стены. Щурюсь и вижу знакомую мордашку Малининой, которая тут же прячется, пойманная с поличным.

Это что ещё такое? Она что, шпионит за мной?

Глава 11. Кира

– Я переночую у Лизы, не волнуйся, – подмигивает мне сестрёнка, уже собирая вещи на ночёвку. Я только что сказала ей, что мне поручили проследить за звездой в клубе, и, скорее всего, я не смогу этого сделать, потому что не хочу оставлять младшую сестру одну дома на всю ночь. Я бы себе места не находила. А она уже сияет от радости, суетится, собирая всё необходимое.

– А её мама не против? – спрашиваю я, с сомнением глядя на неё.

– Они на даче, – бросает Ира, будто это ничего не значит.

– То есть, две четырнадцатилетки одни дома? Я не согласна! – возмущаюсь я.

– Тогда мы с тобой в клуб, – хитро улыбается сестра.

– А кто вас туда пустит? – не сдаюсь я.

Ира поджимает губы, понимая, что я не отпущу её ни в клуб, ни одну к подруге.

– За нами присмотрит старший брат Лизы, – вдруг вспоминает она. – Витя.

Я знаю Витю, но совсем про него забыла. Он уже гулял с Лизой и Ирой, и показался мне нормальным парнем. Кажется, у него есть девушка.

– Ладно, – нехотя соглашаюсь я. Не хочется терять работу, но и оставлять двух девчонок одних дома – тоже не вариант. Мало ли взломщики посреди ночи залезут? – Но на связи каждый час. Мало ли что случится.

– Без проблем! – радостно соглашается Ира.

Почему-то я не волнуюсь, что они могут устроить вечеринку с мальчиками или напиться. Девчонки – домоседки, скорее всего, будут всю ночь играть в свой любимый Симс или рисовать. В общем, поводов для беспокойства нет.

Я кормлю свою егозу ужином, помогаю собрать рюкзак и провожаю её к Лизе на ночёвку. Только после этого начинаю собираться в клуб.

По дороге размышляю, кто же эта загадочная личность, про которую мне нужно написать статью. Имени мне не сообщили – наверняка, чтобы проверить мою осведомлённость в медиа-среде. Придётся следить за всеми и самой искать знакомое лицо.

В клуб я вхожу без труда. Заказываю коктейль, держу телефон наготове. Делаю несколько снимков исподтишка, записываю заметки в телефон, чтобы ничего не забыть.

Вижу одну известную личность, но она не такого масштаба, как хотелось бы для статьи. Думаю, это совсем не он.

Потягивая свой Лонг-Айленд через трубочку, поднимаюсь на второй этаж. Здесь находятся ВИП-зоны.

Почему я сразу не догадалась подняться сюда? Одна часть полностью закрыта, другая расположена на балконах. Я направляюсь именно туда.

И сразу же нахожу свою цель.

Вижу бывшую звезду бокса, который ушёл из спорта, но даже после этого устроил шумиху, согласившись на бой из-за одного типа, который клеветал на его жену.

Что он здесь делает? Изменяет жене? Вижу только официантку, снующую туда-сюда, ни одной стриптизёрши.

Как же его зовут? Помню только имя – Леон. А фамилия... Новак! Точно, Леон Новак!

Достаю телефон и на всякий случай делаю снимок. Всё ещё стою на месте преступления и внимательно рассматриваю фотографию: всех ли хорошо видно?

Так, стоп, что это?

Приближаю изображение, вглядываюсь в знакомые лица.

Лазарев с ребёнком?! Он что, притащил малыша в клуб?

Я...

Злость захлёстывает меня, не могу подобрать слов.

Ты идиот!

Ребёнку от силы четыре года, а ты приводишь его туда, куда детям вообще нельзя! Как его вообще сюда пустили?

Блин, Кира, о чём ты думаешь? Он наверняка бьёт своего ребёнка. Ты сама в этом убедилась, когда попыталась погладить Тимура по голове, а он тут же отстранился, испугавшись твоей ладони. Это было не просто так. И то, что он притащил его сюда, только подтверждает: Лазарев — худший отец на свете.

Снова приближаю кадр, выглядываю из-за стены и делаю ещё одно фото, теперь покрупнее. Да я такую статью про тебя напишу — органы опеки завтра с утра будут у тебя на пороге.

Делаю ещё один снимок. Снова просматриваю фотографию. Чёрт, он смотрит прямо в мою сторону. Неужели заметил меня?

Пора убираться отсюда.

Успеваю добежать только до лестницы на первый этаж, как вдруг чья-то сильная рука крепко хватается меня за запястье.

Сердце начинает бешено колотиться, и я уже готовлюсь ударить на опережение — благо, ещё в школе ходила на уроки самообороны.

Правда, с тех пор приёмы я не практиковала, но главное — показать, что я могу быть опасной, если меня тронут. В крайнем случае, всегда можно прикинуться сумасшедшей.

— Ты какого лешего здесь забыла? — доносится до меня недовольный, хрипловатый голос Лазарева.

Ах, так это ты — моральный урод...

Я медленно поворачиваюсь к нему, чувствуя, как внутри закипает злость. Я смотрю на него с такой ненавистью, что едва сдерживаюсь, чтобы не наброситься на него прямо сейчас.

Бедный ребёнок! Как же мне его жаль — словами не передать.

— Работаю, — цежу я сквозь зубы, стараясь держать себя в руках. Нельзя показывать, что я собираюсь лишить его родительских прав. Иначе подготовиться, станет хорошим папочкой.

— Если я правильно помню, твоя работа — собирать компромат на одного важного человека, который изменяет жене. Так?

— Да, — коротко отвечаю я.

— И кого из моих друзей ты заприметила? — с недовольным спрашивает, прищурившись.

— А если они ваши друзья, это что, значит, писать о них нельзя? Вы меня так уволить решили заранее? — бросаю с вызовом.

Как же он меня бесит!

— Имя, сестра, имя, — настаивает он.

— Новак. Он ведь женат? Женат. Дети есть. А сейчас он здесь, с вами.

Ренат цокает языком, качая головой.

— У нас мальчишник. Его жена в курсе, что он здесь. А твоя цель — вон там.

Он неожиданно обвивает мою талию рукой и мягко подталкивает к перилам балкона. Его рука крепкая и холодная, от прикосновения по спине пробегает неприятный холодок. Он указывает пальцем вниз, в угол зала, объединённый с танцполом.

— Видишь того актёра? Лысого.

Я вглядываюсь в толпу, шурю от ярких вспышек света.

— Вижу, — киваю я.

— Вот им и займись. А не ерундой страдай, поняла?

Я раздражённо сжимаю губы. До него я просто ещё не добралась!

На самом деле он сидит ко мне спиной, и для меня он — обычный лысый мужик, ничем не выделяющийся среди остальных.

Но сейчас меня волнует совсем не это. Меня тревожит ребёнок!

— О, тётя! — вдруг доносится до меня звонкий голосок. Я опускаю взгляд и вижу Тимурку. Он стоит, прячась за штаниной отца, и радостно улыбается мне. Сердце сжимается от тревоги: он же его не спаивал, да? А вдруг он сам хлебнул что-то из стакана? Он же отравиться может!

От одной мысли об этом мне становится дурно.

— Тимур, — зову я его мягко. — Иди ко мне.

Лазарев вопросительно поднимает бровь, но я не обращаю на него внимания.

— Твой отец — болван, раз притащил тебя сюда, — говорю я, не скрывая возмущения.

Мне плевать, что могу потерять работу. Я не могу равнодушно смотреть на то, что происходит.

— Но ничего, я о тебе позабочусь, — добавляю, обвивая его тельце.

Я почти беру его на руки, как вдруг Лазарев резко выхватывает сына из моих объятий.

— Ты что задумала? — шипит он, подняв сына на руки и прижав к себе.

— Спасти малыша, у которого и так тяжёлая жизнь!

— Тяжёлая жизнь?.. — он смотрит на меня с недоумением.

— Вы вообще понимаете, что творите? Вы притащили ребёнка в стриптиз-клуб! Несовершеннолетнего! Маленького! Под громкую музыку, среди пьяных взрослых! Вы видели, сколько сейчас времени? Ему спать давно пора, а не шататься по клубам! Поэтому я его забираю. А завтра я пишу на вас заявление в органы опеки. Хотите — увольняйте, мне всё равно, но я не позволю погубить ребёнка!

Всё вылетает само. Но я ни капли не жалею.

Опять пытаюсь забрать мальчика. Он уже напуган — это сразу видно. Он боится даже пошевелиться, сделать хоть что-то против воли отца. Вдруг тот ударит? По мальчику заметно, что его уже били.

— Так, Малинина, успокойся, это не твоё дело, — резко говорит этот самодур.

— Не моё? — переспрашиваю я, не веря своим ушам.

Случайно задеваю одежду Тимура, и его рубашка немного задирается. На светлой детской коже замечаю странное пятно.

Я замираю, забываю обо всём и осторожно оголяю ему спину. Передо мной — остатки синяка. Внутри всё вспыхивает, как спичка. Значит, я не ошиблась.

Я готова убить этого папашу.

Устремляю на него гневный взгляд.

— У него синяки, — сквозь зубы произношу я. — Значит, всё так, как я и думала. Вы его бьёте.

Глава 12. Ренат

– Какие синяки? – невозмутимо спрашиваю, поглядывая на Тима. – Никого я не бью. Но внутри растёт тревога. Что это значит?

– Да конечно, – шипит эта ведьма, сверкая глазами. – Мало того, что он от ваших рук плачет и сжимается весь, как сейчас, так у него ещё и на теле следы синяков! Они почти прошли, но всё равно видны. Вы его бьёте!

Я не верю своим ушам. Смотрю на перепуганного Тима, который жмётся ко мне всем телом, словно ищет защиты.

Да, я замечал что-то у него на спине. Едва заметное пятнышко. Подумал, что это родимое пятно или след от фломастеров, краски, чем он там рисовал... Не придавал значения.

– Ты уверена, что это побои? – спрашиваю с тяжестью в голосе.

– У меня был опыт, – цедит сквозь зубы. – Я видела искалеченных детей. Таких, как ваш сын. А ну, отдайте мне его!

Я делаю шаг назад, крепче прижимая Тима к себе. В груди закипает злость.

Значит, его действительно бьют? Кто? Мать? Отчим?

Чёрт, моральные уроды. При встрече обоим не поздоровится. Да, дети бывают шалунами, но это не повод лупить их направо и налево! Тим вообще не заслужил такого. За эти дни он был послушным, тихим мальчиком.

Неужели все эти одобрения ему были нужны потому, что и дома он вёл себя так же? Спрашивал у матери: можно ли поесть, сходить в туалет?

Это дикость!

– Берега не путай. Не отдам.

– Тогда я сейчас вызову полицию! Пусть они с вами разбираются!

Она достаёт телефон, но я быстро ставлю мальчика на пол, выхватываю у неё мобильник и передаю Тимуру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.